

«Ученик — это, прежде всего, индивидуальность»



Ладыженский Олег Семенович

Родился 23 марта 1963 г. в г. Харькове.

С 1984 г. по 2000 г. работал главным режиссером театра-студии «Пеликан», поставил более 15 спектаклей; лауреат II Всесоюзного фестиваля театральных коллективов 1987 г.

С 1990 г. по 1995 г. — член МАНОКК (Международная ассоциация национальных объединений контактного каратэ-до); имеет черный пояс, II дан, судья международной категории. С 1992 по 1994 г. — вице-председатель ОЛБИ (Общества любителей боевых искусств), на сегодняшний день продолжает занятия с группой ветеранов харьковского каратэ (стиль Годзю-рю).

Писатель, пишет в соавторстве с Громовым Дмитрием Евгеньевичем под псевдонимом **«Генри Лайон Олди»**. Обладатель титула «Лучший писатель-фантаст Европы-2006», лауреат ряда международных литературных премий, выпустил в свет более ста авторских книг (включая переиздания и переводы), суммарным тиражом более миллиона экземпляров, издаваясь на русском, украинском, польском, литовском, французском, венгерском и других языках, записал цикл аудио-альбомов «Театр Олди» (песни на стихи из книг).

Ладыженский Олег Семенович

«Карате, как искусство преподавания — это умение строить семью, а не заслуженную в спортивных кругах школу. Статус интересен только снаружи. А внутри каждый ценен тем, что он из себя представляет».

Мой собеседник — Олег Семенович Ладыженский — Учитель с большой буквы. И говорю я это не для «красного словца», а потому что знаю об этом не понаслышке.

Когда-то давно я, как и большинство моих сверстников, пришла заниматься в секцию карате. Название стиля: «го-дзю-рю» ни о чем мне не говорило. Как, собственно, и основная масса, а если быть совсем точной — все услышанные на тренировке японские термины. Со временем они обрели смысл. И одним из первых слов, смысл которого я не только узнала, но и в полной мере прочувствовала, стало понятие «сэнсэй». Потому что Олега Семеновича, человека, стараниями которого ты день за днем изменяешься не только и не столько снаружи, а и глубоко внутри, нельзя было назвать по-другому. С годами это чувство во мне только укреплялось. И хоть пути наши со временем разошлись, Олег Семенович остался для меня человеком, к которому я и поныне испытываю чувства глубочайшего уважения и признательности. И я была очень рада представившейся мне возможности побеседовать с ним на давно интересующие меня и, надеюсь, вас, уважаемые читатели, темы.

Расскажите, пожалуйста, о самом стиле «го-дзю-рю».

— В историческом масштабе? О стиле известно только то, что об этом говорят и пишут сами японцы. Родоначальником считается окинавец Канрё Хигаонна — торговец, которого однажды занесло в Китай, в провинцию Фуцзянь (все мастера Окинавы, которые занимались боевыми искусствами, на определенном этапе своего развития ездили в Китай). Попал он там к учителю по имени Рю Рюкю (кстати, сами китайцы в своих исторических документах такого учителя в этой провинции найти не могут). Судя по ката, которые Хигаонна привез, колоссальное влияние на него оказали южные стили, в частности «Белый журавль», «Богомол» и т.д. Потом он вернулся на Оки-



наву и начал преподавать, развивая полученные знания, так, как он себе это представлял. Был он по описанию современников маленький, легкий и «сухой». Отличался активной и очень быстрой работой ног на нижнем уровне, которая потом из го-дзю-рю, к сожалению, со временем исчезла — если судить по нынешним демонстрациям.

У Канре Хигаонна учился Тедзюн Мияги, который, собственно, и стал официальным отуом-основателем стиля. Мияги, человек, в отличие от учителя, физически сильный и «квадратненький», привнес в стиль свои личные нюансы — в основном силовые элементы, разработав ряд личных ката и введя в арсенал (возможно, за счет некоторого ограничения работы ног) борцовские элементы. И когда его ученик «прозвучал» в Японии (да и сам Мияги уже был там довольно известен), возник вопрос, как стиль называть. Ученик Синзато назвал стиль «ханко-рю» — «школа середины». Мияги идея понравилась, но он процитировал афоризм про «го» и «дзю» («го» — жесткое, «дзю» — мягкое), и за силем вскоре закрепилось название: го-дзю-рю. Чем характеризуется стиль го-дзю-рю? В чем его отличие от других стилей?

— Китайцы в свое время мудро заметили, что у них в северных стилях тренируется техника, а в южных — усилие. Не силу, а именно усилие, его создание, направление и способ реализации. «Северяне» зачастую добивались результата за счет невероятной техничности, а «южане» — за счет точно направленного усилия. Как говорится, в нужное время и в нужном месте. Эта «южная» характеристика и перебралась в го-дзю-рю. Кроме того, на мой взгляд, го-дзю-рю, как и карате в целом, формировалось в прикладном смысле, как система самообороны гражданского населения (не армии и не полиции, хотя стиль

чудесно применим и там!) в бытовых условиях. В целом, расчет шел на человека, не размявшегося заранее в течение сорока пяти минут, не имеющего суперподготовки, не весящего 120 килограмм и не всегда сажающегося на «шпагат»... То есть это универсальная, очень обыденная, очень простая (в хорошем смысле) и очень действенная система. Она была эффективная, а из нее сделали эффектную. И если раньше традиционные версии карате явно друг от друга отличались, что очень хорошо видно по старым записям, переснятым с черно-белых кино-плёнок, то сейчас, к сожалению, различий практически нет: вся работа на средне-длинной дистанции, ряд элементов ката куда-то исчез и т.д. и т.п.

А когда и почему, на Ваш взгляд, это произошло?

— «Мутации» в го-дзю-рю, как и во всем карате, начались с того момента, когда пошла реклама. Как только понадобилось «завоевывать» Америку и Европу, создавать всемирные федерации, сразу понадобилось все делать так, чтобы это было зрелищно и красиво.

Когда и как го-дзю-рю появился в Харькове?

— В Харьков го-дзю-рю привез Владимир Попов, к сожалению, безвременно ушедший от нас в прошлом году. В свое время (в 60-е, кажется, годы) он пересекся в Москве с Хидео Хашимото, студентом международного института, чемпионом, если мне не изменяет память, четвертой префектуры Японии, обладателем второго или третьего дана го-дзю-рю. Показывал Хашимото не слишком много, но Попов, будучи человеком невероятно талантливым, «поймал» общую характеристику го-дзю-рю. Сейчас бы сказали: нашел «движок». В последующем техника могла изменяться, но общие принципы го-дзю-рю всегда были видны четко. В Харькове вокруг Попова со временем возник коллектив

единомышленников, сформировавшийся как школа, где-то во второй половине 70-х.

Я в нее пришел в 1982 году. А до того занимался в другой школе каратэ, а также дзю-до и фехтованием на саблях.

А когда Вы ее возглавили? Как это случилось?

— Так получилось, что в начале девяностых, когда возникла свобода, точнее, ее привлекательный призрачный призрак, и стало возможным проводить массовые соревнования, школа распалась на «традиционалистов» и желающих выступать, получать пояса и медали. Последние создали одну-две группы, привлекли к занятиям боксеров и кого-то еще. Я же остался среди «традиционалистов» и с удовольствием продолжил занятия. Ничего возглавлять не собирался — просто работал с единомышленниками. Вот так и получилось, что я стал тем, кем, в общем-то, становиться и не думал.

Повторялись ли такие ситуации в дальнейшем? Я имею виду распад школы на составные части.

— Это повторяется каждые четыре-пять лет. Почему? Закон стаи. Молодые ученики вырастают и начинают всем своим видом показывать, что им пора заводить свою «стаю». Здесь у наставника есть два выхода. Либо он будет, пока может, «давить авторитетом», либо даст желающим возможность создать свою школу, согласно своим

«Это универсальная, очень обыденная, очень простая (в хорошем смысле) и очень действенная система. Она была эффективная, а из нее сделали эффектную».



представлениям. Это правильно, это хорошо. А было бы еще лучше, если бы каждый из ушедших создавал равноценную школу. Тогда бы в Харькове было уже не менее шести школ го-дзю-рю, и мы бы радостно обменивались опытом. К сожалению, получается иначе. Главная проблема, как мне кажется, в том, что каждый создающий свою группу «рвет пуповину», связывающую его с остальными. А ведь на самом деле в любой группе есть люди, которые, возможно, хотели бы заниматься не у тебя, а у другого инструктора, с другими приоритетами, только не знают, где его искать. Или, например, если группа ориентирована на соревнования или показательные выступления, то рано или поздно в ней появятся люди, которые захотят продолжить занятия вне соревнований. И твоя задача, как инструктора, в обоих случаях высмотреть «не своих» людей и отправить их туда, где они найдут себя и смогут заниматься до глубокой старости. Если этого не произойдет, они просто бросят занятия вообще. Учитель должен хотеть от ученика не подтверждения своей собственной крутости, а развития ученика до мастера. И если ученику требуется что-то, отличное от того, что я ему могу дать, я должен направить его туда, где он сможет желаемое получить.

Где и как Вы сейчас берете информацию? Ездите ли на всевозможные семинары?

— На мой взгляд, семинарам придается слишком большое значение. Почему-то считается, что достаточно трех-пяти семинаров в год, и уже, вроде как, ты и сам мастер и учитель. Я полагаю, каратист формируется на ежедневных занятиях, в постоянном контакте со своим тренером. А мастер, проводящий семинар, скорее, наставник-консультант. Это совер-

«Мутации» в го-дзю-рю, как и во всем карате, начались с того момента, когда пошла реклама. Как только понадобилось «завоевывать» Америку и Европу, создавать всемирные федерации, сразу понадобилось все делать так, чтобы это было зрелищно и красиво».

шенно иная специфика обучения.

В карате, как и в любом искусстве, многое берется из себя, из глубин личности, а не снаружи. Мир открыт: можно не только на семинар, но и на Окинаву съездить, и пообщаться с представителями иных школ, с другими тренерами. Это общение является чудесным дополнением к процессу. Но не заменяет его. Кроме этого, есть великолепный доступ к фото и видео материалам. Но искусство передается «от сердца к сердцу». В отличие от многих спортивных секций, где занимающийся



при желании может получить вполне материальное подтверждение своих успехов: медали, звания и т.п., в Вашей секции участие в соревнованиях и, соответственно, зарабатывание всей этой атрибутики не практикуется. И, тем не менее, опять же в отличие от спортивных секций, где невероятная «текучесть кадров», у Вас многие люди занимаются по десять, двадцать, тридцать лет. Чем Вы это можете объяснить? Как Вам удается побороть в учениках простое человеческое тщеславие и при этом не потерять их?

— Работа тренера, по сути, начинается именно с убийства тщеславия в каждом своем ученике. Тщеславие, попытка идти на поводу у низменных интересов, как бы громко это ни звучало, приводит к тому, что спустя три-четыре года занятий группы уже нет. Развалилась, разбежалась. Ну, может, остается в итоге один-два человека. Под это подводится база: мол, так и надо, текучка — это нормально и естественно, мы растим единственного чемпиона, остальные пусть уходят. Нет, господа сэнсеи, это не нормально. Это — результат ошибок в методике преподавания.

Методика преподавания — умение ставить стратегические цели и находить тактические способы их достижения. Каждый день. Тогда человек год за годом чувствует себя востребованным. Он наращивает не количество изученного, а его качество. И сколько бы ему ни было лет, он всегда находит для себя что-то новое. Вот как только человек перестает находить новое, развиваться не количеством медалей и цветом пояса, а состоянием тела и души, если у него не формируется потребность двигаться вперед — тогда группа «разваливается» и люди уходят. Карате, как искусство преподавания — это умение строить семью, а не заслуженную в спортивных кругах школу. Статус интересен только снаружи. А внутри каждый ценен тем, что он из себя представляет. И человек, которому уже



за шестьдесят, может быть для молодого ученика гораздо более интересен, чем увешанный медалями и данами сверстник. Потому что первый ему больше может объяснить на своем личном опыте. Кроме того, 20-летний видит, что вот, рядом с ним стоит дедушка по возрасту, и тоже занимается. И это очень серьезно. Это другая форма взаимоотношений. Если ее не сформировать, «текучка» будет постоянной.

Кроме того, ученик — это что-то дорогое. Для учителя. Ценность. Каждый ученик — индивидуальность. А при «поточном» методе об этом как-то забывается.

Что Вы хотите воспитать в своих учениках?

— Дело в том, что людей, которые со мной тренируются, мне уже трудно назвать учениками. Все там уже настолько взрослые и самостоятельные люди, что я, скорее, сейчас бы говорил не о том, что я хочу в них воспитать, а о том, что мы делаем все вместе.

Во-первых, мы хотим доказать (в первую очередь себе), что человек может прозаниматься карате всю свою жизнь. Если на время тренировки мы забываем о том, кому шестьдесят, кому сорок, а кому двадцать, мужчина ты или хрупкая женщина — значит, все в порядке.

Во-вторых, мы хотим доказать (и снова — себе!), что техника карате жизнь удлиняет и улучшает, а не укорачивает травмами.

В-третьих, мы утверждаем, что боевое искусство применимо и реально, даже если ты не вешишь 120 килограмм и не состоишь из чистой мышечной массы. Ибо, как говорится, после ста килограммов любой прием идет хорошо.

Проще говоря, мы утверждаем, что карате можно заниматься всегда, везде и в любом состоянии. У меня и бере-

«За многие годы занятий каратэ у человека меняется психика. И это действительно так: сейчас меня окружают уравновешенные, здоровые, спокойные люди, нашедшие свое место в жизни».

менные женщины занимались, вплоть до родов, и возвращались к тренировкам спустя буквально недели две. Вон, сейчас их дети по залу бегают: трое или четверо.

А еще я хочу показать, что за многие годы занятий каратэ у человека меняется психика. И это действительно так: сейчас меня окружают уравновешенные, здоровые, спокойные люди, нашедшие свое место в жизни.

Есть ли отличия в восточном и европейском подходах к изучению боевых искусств и какой из них Вы практикуете? — Отличие подходов, как по мне — это легенда. С того момента, когда ремесло становится искусством, поход к его изучению, что на Востоке, что в Европе примерно одинаков. Поэтому, когда мы читаем книги, например, про знаменитых учителей фехтования в Европе, мы видим тех же самых японских «дедушек»-сэнсэев с поправкой на европейский рост. Уверенные, опытные, немолодые люди в изрубленных нагрудниках. Просто они себя не афишировали.

То есть, когда ремесло становится искусством, различия исчезают?

— Сперва — искусством, а там и Путем. Если внутренне меняешься — то это Путь. Если меняешься только снаружи, становишься быстрее, сильнее, но этим все и ограничивается — это не Путь.



«Методика преподавания — умение ставить стратегические цели и находить тактические способы их достижения. Каждый день. Тогда человек год за годом чувствует себя востребованным».

«Работа тренера, по сути, начинается именно с убийства тщеславия в каждом своем ученике».

В классическом преподавании боевых искусств традиционно большую роль играет философия. А Вы много времени уделяете ей при общении с учениками?

— Да, много. Но она, чаще всего, выражается не в словах. Она проявлена в поведении, движении, во взгляде. Как надо смотреть, чтобы к тебе не приставали. Как надо идти, чтобы ты попадал в «слепое пятно» к хулиганам. Как вести себя в конфликтной ситуации. Один из моих друзей и учеников однажды сказал, что на Кавказе чуть не попал в заложники, и ему тогда очень помогло карате. Вокруг сразу собрался народ, ожидая рассказа, как он отобрал автомат, с боем прорвался через группу боевиков и т.д. А оказалось, что пока боевики выясняли ситуацию и решали, что делать с заложниками, он подсел к чеченцу, который охранял заложников, и завел с ним разговор. Обычный разговор. К концу разговора чеченец предлагал ему совместный бизнес и говорил, что все нормально и бояться заложникам нечего — все уже решено. Потом им привезли воды и вскоре отпустили на автобусе. То есть человек разговором перевел ситуацию из опасной колеи в нормальное русло, и в результате все закончилось хорошо. Вот это — карате.

В чем, на Ваш взгляд, вообще суть боевых искусств?

— Боевые искусства — это путь к саморазвитию, позволяющий разбудить и поддерживать в себе хищника. Не пугайтесь, хищник — это, на самом деле, очень хоро-

«В карате, как и в любом искусстве, многое берется из себя, из глубин личности, а не снаружи».

шо. Хищник никогда до смерти не «забывает» конкурента, если тот сдается; не угрожает попусту, охотится в меру. Когда в человеке живет нормальный хищник — ему жить «вкуснее». Он не лезет в ненужные драки, что-то кому-то доказывая. Вот эти «хищные» спокойствие и уравновешенность, как по мне — важнейшая штука. Нам этого сильно не хватает. Мы нервные, как бешеные голуби, драчливые, как весенние зайцы.

А вот тигров мало.

Что бы Вы пожелали человеку, решившему заняться изучением боевых искусств?

— Ничего, кроме, как идти и заниматься. Нет гарантии, что он сразу найдет место себе по сердцу и попадет к учителю, который его сможет реально изменить. Нет никакой гарантии, что он через год научится хорошо драться на улице. Но с этого маленького шага начинается длинный путь. Идти и заниматься. Не расстраиваться

от неудач, сразу понимать, что нет «волшебных палочек», а есть годы тяжелой работы. И очень важно критически относиться к себе и к сэнсэю. Не «доставать» глупыми замечаниями: «А на мой взгляд...», а уметь вычленять самостоятельно: что мне нужно и сейчас, сразу, нравится; что мне не нравится и кажется ненужным (но я сперва это сделаю!); и третье — что мне не нравится, но полезно.

А как человек неопытный сможет сразу вычленить, что ему действительно нужно?

— Сразу и не сможет. Но пытаться должен. Тогда внутри него начинает развиваться аппарат самооценки. Потом, когда он на какое-то время останется без сэнсэя, он будет в состоянии сам себе работать учителем. Тот же Мияги очень рано потерял наставника и жаловался: «Я иду один ночью по темной дороге!» И какой великий мастер в итоге получился из Мияги! Если этого аппарата не развивать — получим вечного ученика. Он не вырастет и не умеет сам думать. А мастерство — это, прежде всего, умение думать. Хотя многие полагают, что мастерство — это очень большой кулак.

«Искусство передается от сердца к сердцу».



Беседовала
Яна Блашкевич
Фотографии
из коллекции
Школы